

Особенности социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений

Арендачук И.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, e-mail: arend-irina@yandex.ru

Усова Н.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, e-mail: usova_natalia@mail.ru

Кленова М.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, e-mail: milena_d@bk.ru

Цель. Изучение характеристик социальной активности молодежи в условиях ограничений, связанных с вынужденной изоляцией, направленное на выявление особенностей проявления ее компенсаторных форм, обусловленных социальной фрустрацией.

Контекст и актуальность. Психологические аспекты проблемы социальной активности личности, ограниченной распространением коронавирусной инфекции, требуют более полного изучения, что актуализирует вопрос о характеристиках, определяющих особенности активности молодежи в разных сферах жизнедеятельности.

Дизайн исследования. Проанализирована специфика социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений и обусловленность разных форм ее появления психологическими характеристиками; проверена гипотеза о социально-ориентированной направленности активности молодежи в условиях социальной изоляции.

Участники. Представители российской молодежи: 409 человек (74% женщины, 26% мужчины) от 17 до 30 лет ($M=21,35$; $SD=3,78$).

Методы (инструменты). Анкета для изучения социально-демографических характеристик и выраженности разных форм социальной активности (Р.М. Шамяионов и др.); методика «Активность личности в условиях вынужденных социальных ограничений» (Н.В. Усова и др.).

Результаты. В условиях социальной изоляции у молодежи повышаются семейно-бытовая, гражданская, образовательно-развивающая, интернет-сетевая и интернет-поисковая формы активности, снижается выраженность досуговой и социально-экономической активности и отсутствуют изменения в других ее формах проявления. Досуговая, гражданская, социально-экономическая и образовательно-развивающая активность молодежи характеризуются фрустрацией на последствиях вынужденных социальных ограничений, выраженностью компенсаторных форм и активизацией дополнительных личностных ресурсов. Интернет-сетевая и интернет-поисковая активность, направленная на социальные контакты, выступает формой компенсации других видов активности.

Основные выводы. Изменения в проявлении социальной активности молодежи в период социальной изоляции носят диахронический характер. Установлены основные характеристики,

отражающие специфику социальной активности в разных ее формах; выявлены компенсаторные формы социальной активности и факторы ее детерминации.

Ключевые слова: социальная активность, молодежь, формы социальной активности, вынужденные социальные ограничения, социальная фрустрация, личностные ресурсы, сферы жизнедеятельности личности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/21-18-28004/> на базе СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Для цитаты: Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А. Особенности социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 182–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130411>

Features of the Social Activity of Russian Youth in Conditions of Forced Social Restrictions

Irina V. Arendachuk

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, **e-mail:** arend-irina@yandex.ru

Natalia V. Usova

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, **e-mail:** usova_natalia@mail.ru

Milena A. Klenova

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, **e-mail:** milena_d@bk.ru

Objective. *The study of the characteristics of the social activity of young people in conditions of restrictions associated with forced isolation, aimed at identifying the features of the manifestation of its compensatory forms due to social frustration.*

Background. *The psychological aspects of the problem of social activity of an individual limited by new social norms and rules due to the spread of coronavirus infection require a more complete study. In this regard the question of the characteristics that determine the characteristics of youth activity in different spheres of life.*

Study design. *The paper analyzes the specificity in the manifestation of social activity among Russian youth in connection with forced social restrictions. The dependence of various forms of social activity by its psychological characteristics. The hypothesis about the socially oriented orientation of youth activity in conditions of social isolation is tested.*

Participants. *Representatives of Russian youth: 409 people (74% women, 26% men) from 17 to 30 years old (M=21.35; SD=3.78).*

Measurements. *Questionnaire for the study of socio-demographic characteristics and the severity of various forms of social activity (R.M. Shamionov et al.); the methods “Personality activity in conditions of forced social restrictions” (N.V. Usova et al.).*

Results. *In the conditions of forced social restrictions youth have increased family-household, civil, educational-developmental, Internet-network and Internet-search forms of activity, the severity of leisure and socio-economic activity decreases, and there are no changes in its other forms of manifestation. Leisure, civic, socio-economic and educational-developmental activity of young people is characterized*

by frustration at the consequences of forced social restrictions, the severity of compensatory forms and the activation of additional personal resources. Internet-network and Internet-search activity is aimed at social contacts and itself acts as a form of compensation for other types of activity during the period of self-isolation.

Conclusions. *Changes in the manifestation of the social activity of young people during the period of social isolation are diachronic in nature. The main characteristics reflecting the specificity of social activity in its various forms are established. The compensatory forms of social activity and the factors of its determination in conditions of forced social restrictions are revealed.*

Keywords: *social activity, youth, forms of social activity, forced social restrictions, social frustration, personality resources, spheres of personality life activity.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/21-18-28004/> on the basis of Saratov State University.

For citation: Arendachuk I.V., Usova N.V., Klenova M.A. Features of the Social Activity of Russian Youth in Conditions of Forced Social Restrictions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 182–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130411> (In Russ.).

Введение

Трансформация социальной активности в условиях социальных ограничений, связанных с пандемией COVID-19, коснулась практически всех сфер жизнедеятельности молодежи, существенно ограничив ее возможности в проявлении активности, направленной на самоутверждение и самореализацию, максимально выраженной именно в этом возрасте. Изменились характер, условия, способы реализации, а также сами формы социальной активности. В исследованиях, изучающих активность личности в условиях социальной изоляции, выявление общих тенденций в ее реализации молодежью затруднено многоаспектностью изучаемого феномена и получением противоречивых данных. С одной стороны, отмечаются изменения социально-психологического пространства молодежи в форме отдаления от привычных социальных групп и ориентации на группы с позитивной смысловой нагрузкой; повышение ее субъективного благополучия в связи с нацеленностью на социальные контакты, дающие возможность

использовать свои внутренние и внешние ресурсы [15]; переход социальной активности молодежи из пространства реальной среды в виртуальную [14]. По другим данным, социальная изоляция, напротив, приводит к повышению тревожности и росту внутреннего напряжения у молодежи [1], сказывается на ее психоэмоциональном и физическом самочувствии, вызывая проблемы саморегуляции, самоорганизации, и в целом снижает уровень психологического благополучия [8].

В зарубежных исследованиях также наблюдается несогласованность в отношении изменений в социальной активности молодежи в период пандемии. При общей тенденции к снижению ее общего уровня у молодых людей отмечается повышение семейной активности в форме усиления социальных и эмоциональных связей с членами своей семьи [29]; интернет-сетевой активности в форме посещений социальных сетей, виртуальных классов, просмотров фильмов и телесериалов [23; 28]. Среди причин снижения социальной активности отмечают соци-

альную ответственность [31], снижение физической активности, изменение и перестройку жизни в целом [33], обусловленных необходимостью соблюдения определенных правил гигиены, отказом от некоторых повседневных практик [16], повышением доли малоподвижного поведения, переходом к более позднему времени отхода ко сну и бодрствованию, увеличением продолжительности сна [32]. К проявлениям негативного влияния социальной изоляции на психофизическое и психоэмоциональное состояние детей и молодежи относят разочарование, стресс и депрессию [17; 20].

Изучение факторов психологического влияния самоизоляции на личность показывает, что социальная активность в период карантина трансформируется, приобретая новые способы выражения [24]. Социальные ограничения реорганизуют социальную активность личности, связанную с удовлетворением первичных базовых потребностей; на первый план выдвигается усиливающаяся потребность в безопасности, что, как следствие, приводит к фрустрации, к сдвигу в сторону отрицательных эмоций. Значимыми становятся социальные потребности в оказании помощи и в поддержке окружающих, а связанная с ними активность приобретает форму совладающего поведения [22]. Социальная фрустрация снижает у молодежи уровень удовлетворенности базовых потребностей, переживания счастья и удовлетворенности жизнью, ограничивает проявление социальной активности в большинстве сфер общественной жизни и повышает их активность в форме протестного самовыражения [12]. Вместе с тем на фоне ограничений в образе жизни и ухудшения эмоционального состояния проявляется и положительный субъективный эффект, обусловленный способностью

видеть позитивные возможности и личностными ресурсами — толерантностью к неопределенности, принятием риска как компонентом жизнестойкости и чувством гармонии со своей жизнью; примечательно, что данный эффект более заметен у пожилых людей [19].

В отношении молодежи остается открытым вопрос о том, какие именно психологические характеристики и состояния личности, обусловленные именно социальными ограничениями, определяют ее активность в разных сферах жизнедеятельности. Поэтому *целью* данного исследования стало изучение особенностей проявления социальной активности личности в условиях ограничений, связанных с вынужденной социальной изоляцией. *Задачами* исследования стало выявление изменений в выраженности разных форм социальной активности молодежи, ее компенсаторных форм в условиях социальной фрустрированности и характеристик, детерминирующих социальную активность в связи с вынужденными социальными ограничениями. Отметим, что в контексте данного исследования социальная активность личности определяется как частный случай ее инициативного воздействия на окружающую социальную среду и предполагает не только участие в общественной жизни, но и инициативно-творческое отношение к самой себе как субъекту социального бытия и к сферам своей социальной жизнедеятельности [12]. *Гипотеза* исследования основывалась на предположении о том, что вынужденные социальные ограничения в большей степени стимулируют у молодежи проявление социально ориентированных форм активности, направленных на использование условий изоляции и самоизоляции для удовлетворения своих личностных потребностей и интересов, развития за счет

приобретения нового опыта и сохранения способности влиять на события своей жизни. Под социально ориентированными понимаются те формы социальной активности, которые, по определению Р.М. Шамионова и М.В. Григорьевой, предполагают «непротивопоставление следившемуся социальному укладу, соответствие общепринятым “нормам” общественной активности, социальным инициативам, лидерству, организации деятельности и т.д.» [13, с. 35].

Метод

Выборка и процедура. В исследовании приняли участие представители российской молодежи — 409 человек в возрасте от 17 до 30 лет ($M=21,35\pm 3,78$), из них 74% — женщины и 26% — мужчины. Место жительства: 9,8% респондентов — село; 22,2% — малый город; 61,3% — областной город; 6,7% — мегаполис. Уровень образования: 33,0% молодежи имеют среднее общее образование; 16,9% — среднее профессиональное; 35,4% — высшее (бакалавриат); 14,7% — высшее (магистратура). Исследование проводилось анонимно и добровольно с января по февраль 2021 года. Опросные и тестовые методики предъявлялись в электронном виде через Google Forms. Обработка данных выполнялась в статистической программе IBM SPSS Statistics.

Методики. Анкета, включающая вопросы о социально-демографическом статусе личности (пол, возраст, место жительства, образование), об уровне эмоционального комфорта в социальной изоляции, 12 шкал для оценки различных форм социальной активности с размерностью от 1 до 5 по шкале Лайкерта (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая,

образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) [11, с. 7–9] и 6 дополнительных шкал с описанием форм активности — спортивно-оздоровительной (занятие в спортивных секциях, фитнес-клубах, спортивный туризм и др.), культурно-массовой (участие в КВИЗах и конкурсах, в организации встреч с друзьями, сотрудниками на работе и т.п.), семейно-бытовой (взаимодействие и совместное времяпрепровождение с родственниками, помощь или уход за ними и др.), экологической (действия по сохранению природы, бережному использованию биоресурсов и др.), интернет-поисковой (поиск единомышленников для общения, новостной, познавательной или аналитической информации на актуальные темы и др.) и профессиональной (достижение карьерных целей, освоение смежных профессий, активное повышение квалификации и профессиональное развитие, участие в профессиональных сообществах и т.п.) (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, И.В. Арендачук, Е.Е. Бочарова и др.). Все шкалы согласованы и имеют приемлемый уровень надежности: α Cronbach=0,852–0,872. Респонденты оценивали выраженность разных форм социальной активности дважды — в обычной жизнедеятельности (ретроспективная оценка своей активности до пандемии) и в условиях вынужденных социальных ограничений.

Методика «Активность личности в условиях вынужденных социальных ограничений» (Н.В. Усова, И.В. Арендачук, М.А. Кленова) содержит 72 утверждения, позволяющих изучить характеристики активности личности: 1) фрустрацию на последствия вынужденных социальных ограничений; 2) компенсаторные формы активности, связанные с формированием

новых или выраженностью не значимых ранее форм поведения личности, направленных на замещение привычной, но не эффективной в условиях самоизоляции деятельности; 3) личностные ресурсы активности — ее способности, убеждения и установки как источник преодоления трудностей и стресса, вызванных вынужденными социальными ограничениями; 4) активность в разных сферах жизнедеятельности, направленную на повышение уровня удовлетворенности жизнью в период вынужденных социальных ограничений [10]. Все шкалы имеют высокий уровень надежности: α Cronbach=0,895–0,925.

Статистические методы: описательная статистика; проверка выборки на нормальность распределения (критерий Колмогорова-Смирнова $K-S d$ с поправкой Лилефорса); сравнительный анализ (t -критерий Стьюдента для зависимых выборок); корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции

r -Спирмена); множественный регрессионный анализ (метод пошагового включения переменных).

Результаты

Согласно полученным данным ($K-S d=0,05416$; $p<0,28$; Лилефорса $p<0,01$) эмпирическая выборка не противоречит нормальному распределению по показателю «социальная активность» в условиях вынужденных ограничений ($M=2,84 \pm SD=0,62$), рассчитанному как среднее значение оценок молодежью разных форм своей социальной активности в период пандемии.

Сравнительный анализ самооценок молодежью выраженности разных форм социальной активности в обычной жизни и в период самоизоляции показал ее повышение в период вынужденных социальных ограничений в целом, но динамика изменений активности в разных сферах жизнедеятельности оказалась диахроничной (табл. 1).

Таблица 1

Описательные статистики и сравнительный анализ показателей социальной активности молодежи в разных условиях жизнедеятельности

Формы социальной активности	Выраженность социальной активности, M (SD)		t-критерий Стьюдента
	обычная жизнедеятельность	вынужденные ограничения	
Альтруистическая	2,6 (1,2)	2,6 (1,1)	-0,1
Досуговая	4,1 (0,9)	3,7 (1,1)	6,7***
Спортивно-оздоровительная	3,1 (1,2)	3,7 (1,2)	-1,6
Культурно-массовая	2,7 (1,2)	2,7 (1,3)	0,1
Семейно-бытовая	4,0 (0,9)	4,2 (0,9)	-4,4***
Экологическая	2,9 (1,2)	2,8 (1,2)	1,0
Социально-политическая	1,8 (1,0)	1,9 (1,1)	-1,7
Интернет-сетевая	3,1 (1,4)	3,8 (1,2)	-10,4***
Интернет-поисковая	3,8 (1,2)	4,1 (1,1)	-5,2***
Гражданская	2,2 (1,2)	2,4 (1,2)	-4,7***
Социально-экономическая	2,8 (1,4)	2,5 (1,2)	4,1***
Профессиональная	3,2 (1,2)	3,3 (1,3)	-1,6

Формы социальной активности	Выраженность социальной активности, M (SD)		t-критерий Стьюдента
	обычная жизнедеятельность	вынужденные ограничения	
Образовательно-развивающая	2,8 (1,2)	3,6 (1,2)	-13,7***
Духовная	2,9 (1,2)	2,9 (1,3)	0,2
Религиозная	2,2 (1,2)	2,2 (1,3)	1,0
Протестная	1,6 (1,0)	1,7 (1,0)	-0,9
Радикально-протестная	1,6 (1,0)	1,6 (1,0)	1,2
Субкультурная	1,8 (1,0)	1,8 (1,1)	-1,8
Социальная активность (обобщенный показатель)	2,7 (0,6)	2,8 (0,9)	-5,0***

Примечание: *** – $p < 0,001$.

Наблюдалось достоверно выраженное повышение (прогресс) таких форм активности, как семейно-бытовая, интернет-сетевая, интернет-поисковая, гражданская и образовательно-развивающая. Снижалась активность молодых людей (регресс) в проявлении досуговой и социально-экономической форм активности. По остальным ее формам значимых изменений не выявлено (стагнация).

Полученные результаты позволили предположить, что формы активности, выраженность которых значимо изменилась в период социальных ограничений, позволяют молодежи поддерживать свою социальную активность на приемлемом для личности уровне в новых условиях жизнедеятельности. Поэтому далее был проведен корреляционный анализ, выявивший взаимосвязи между выраженностью этих форм социальной активности и их характеристиками (табл. 2).

Было установлено, что появление новых, компенсаторных, форм деятельности выражено в отношении досуговой, гражданской, социально-экономической и образовательно-развивающей активности молодежи, которые проявляются в виде переноса активности в виртуальное пространство, либо замещения деятельностью, более доступной на данный

момент (кроме досуговой), либо диссимуляции – сознательного нарушения условий самоизоляции. Для семейно-бытовой активности компенсаторные формы недоступны и чем больше она реализуется молодыми людьми, тем в меньшей степени выражены замещение и перенос своих потребностей и желаний с одного объекта на другой. Под влиянием фрустрации на последствия вынужденных социальных ограничений снижаются досуговая и семейно-бытовая формы активности, а гражданская и социально-экономическая активности показывают тенденцию к повышению своего проявления. При этом сосредоточенность на проблеме снижает досуговую и повышает гражданскую и социально-экономическую активность; ощущение гнетущего эмоционального напряжения снижает выраженность этих форм активности, а также семейно-бытовую активность; блокирование или прерывание активности, обусловленное снижением веры личности в свои возможности, ведет к снижению досуговой и семейно-бытовой и стимулирует повышение гражданской и социально-экономической форм активности молодежи. Все изучаемые формы социальной активности (кроме интернет-сетевой) детерминируют спо-

Таблица 2

**Описательные статистики и корреляции между формами социальной активности
и ее психологическими характеристиками**

Психологические характеристики	M (SD)	Формы социальной активности						
		досуговая	семейно-бытовая	интернет-сетевая	интернет-поисковая	гражданская	социально-экономическая	образовательно-развивающая
Компенсаторные формы активности:	2,8 (0,6)	0,19***	-0,02	0,08	0,01	0,37***	0,38***	0,21***
виртуальная активность	3,0 (0,7)	0,15**	0,07	0,16***	0,12*	0,28***	0,25***	0,19***
замещение активности	2,6 (0,8)	0,06	-0,12*	0,01	-0,02	0,36***	0,36***	0,14***
диссимуляция активности	2,8 (0,8)	0,24***	0,02	0,06	-0,04	0,27***	0,32***	0,18***
<i>Фрустрация на последствия вынужденных социальных ограничений:</i>	2,7 (0,6)	-0,21***	-0,15**	-0,01	-0,04	0,18***	0,16***	0,01
сосредоточенность на проблеме	2,9 (0,8)	-0,15**	-0,01	0,02	-0,01	0,22***	0,14**	0,09
ощущение гнетущего эмоционального напряжения	2,8 (0,8)	-0,18***	-0,11**	-0,08	-0,03	-0,13**	-0,14**	-0,07
блокирование и прерывание активности	2,4 (0,8)	-0,12**	-0,17***	0,01	-0,06	0,26***	0,27***	-0,03
<i>Личностные ресурсы:</i>	3,5 (0,6)	0,22***	0,19***	0,09	0,12*	0,12*	0,15**	0,23***
вовлеченность в процесс жизни	3,4 (0,8)	0,24***	0,17***	0,07	0,05	0,19***	0,22***	0,22***
уверенность в подконтрольности событий	3,8 (0,7)	0,17***	0,20***	0,09	0,18***	-0,15**	-0,13**	0,06
принятие вызова жизни	3,2 (0,9)	0,16***	0,07	0,07	0,08	0,23***	0,24***	0,21***
<i>Активность в сферах жизнедеятельности:</i>	3,0 (0,4)	0,12*	0,01	0,10*	0,05	0,35***	0,36***	0,25***
профессиональная сфера	2,9 (0,5)	0,11*	0,01	0,05	0,00	0,27***	0,27***	0,17***
самообразование, образование	3,0 (0,5)	0,00	0,00	0,04	0,01	0,20***	0,18***	0,22***
семейные взаимоотношения	3,1 (0,4)	0,07	0,15**	0,03	0,02	0,20***	0,21***	0,11*
социальные контакты	3,1 (0,5)	0,10*	0,05	0,21***	0,13***	0,25***	0,22***	0,16***
отдых, увлечения	3,2 (0,5)	0,13**	0,03	0,08	0,12*	0,27***	0,33***	0,31***
материальное положение	2,9 (0,6)	0,11*	0,02	0,05	-0,02	0,22***	0,30***	0,10***
здоровье	3,0 (0,5)	0,09	0,01	0,06	0,06	0,32***	0,28***	0,21***
любовные отношения	2,8 (0,6)	0,11*	-0,08	0,09	0,02	0,34***	0,36***	0,18***

Примечание: уровни значимости r-Спирмена: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

способность молодежи задействовать свои дополнительные личностные ресурсы в условиях социальной изоляции. Так, вовлеченность в процесс жизни повышает досуговую, семейно-бытовую, гражданскую, социально-экономическую и образовательно-развивающую активность. Способность к принятию вызова жизни также способствует повышению этих форм активности (кроме семейно-бытовой). Уверенность в подконтрольности событий повышает досуговую, семейно-бытовую и интернет-поисковую активность и снижает активность гражданскую и социально-экономическую. Направленность интересов молодых людей на профессиональную сферу, социальные контакты и любовные отношения, на отдых и увлечения, материальное положение повышает досуговую, гражданскую, социально-экономическую и образовательно-развивающую активность; выраженность интересов в сферах самообучения, образования и здоровья способствует росту гражданской, социально-экономической и образовательно-развивающей активности. Эти же формы активности, а также семейно-бытовая активность повышаются при значимости семейных взаимоотношений. Направленность на социальные контакты активизирует интернет-сетевую и интернет-поисковую деятельность молодежи, ее интернет-поисковая активность также связана с информацией об отдыхе и увлечениях.

С целью выявления детерминации социальной активности ее психологическими характеристиками был проведен множественный регрессионный анализ методом пошагового включения независимых переменных. Зависимой переменной выступил обобщенный параметр «социальная активность в условиях вынужденных ограничений». В ка-

честве предикторов рассматривались ее психологические характеристики, описывающие компенсаторные формы проявления, фрустрационные реакции на ограничения, личностные ресурсы и активность в сферах жизнедеятельности (см. табл. 2). Полученная регрессионная модель позволила объяснить 32,4% вариации зависимой переменной. Оценка эффективности модели показала, что все коэффициенты переменных, входящих в ее структуру, оказались значимы; F-критерий свидетельствует об общей значимости уравнения регрессии (вероятность нулевой гипотезы значительно меньше 0,05); остатки от регрессии без заметной автокорреляции (табл. 3). Соответственно, построенная модель адекватно отражает детерминацию зависимой переменной выделенными компонентами.

Регрессионный анализ показал, что проявление социальной активности молодежью в период вынужденной изоляции обусловлено характеристиками фрустрации в связи с социальными ограничениями (ими может быть объяснено 32,4% от всех влияющих на нее факторов), а ее предикторами являются: характеристики, отражающие реакции личности на ограничения («компенсаторные формы активности», «фрустрация на последствия вынужденных социальных ограничений», «уровень эмоционального комфорта в социальной изоляции» и личностный ресурс «вовлеченность в процесс жизни»); активность в таких сферах жизнедеятельности, как «материальное положение», «семейные взаимоотношения» и «самообучение, образование». Полученные данные свидетельствуют, что детерминантами социальной активности молодежи в данных условиях выступают способность к компенсации затрудненных для реализации форм активности другими видами

Таблица 3

**Регрессионная модель детерминации социальной активности молодежи
в условиях вынужденных социальных ограничений**

Структурные компоненты модели	β	b	t	p
Оценка свободного члена регрессии	–	1,02	4,1	0,001
Компенсаторные формы активности	0,61	0,61	8,7	0,001
Фрустрация на последствия вынужденных социальных ограничений	0,33	0,37	5,1	0,001
Уровень эмоционального комфорта в социальной изоляции	0,15	0,04	3,4	0,001
Вовлеченность в процесс жизни	0,29	0,24	4,4	0,001
Активность в сфере «материальное положение»	–0,20	–0,21	–3,2	0,001
Активность в сфере «семейные взаимоотношения»	–0,16	–0,23	–2,7	0,009
Активность в сфере «самообучение, образование»	–0,13	–0,17	–2,2	0,028
<i>Статистические параметры модели</i>				
Коэффициент регрессии, R	0,57	Критерий Фишера, F (p<0,001)	24,0	
Коэффициент детерминации, R ²	0,32	Критерий Дарбина– Уотсона, DW	1,99	
Стандартная погрешность оценки	0,52	Коэффициент авто- корреляции, r	0,002	

Примечание: β – стандартизованные коэффициенты регрессии; b – оценки параметров модели; t – значения t-критерия Стьюдента; p – уровень значимости компонентов модели.

активной деятельности и поведения, обеспечивающих эффективное достижение поставленных целей, а также направленность на активную реализацию своего потенциала в связи с изменением привычного образа жизни и переживаемого эмоционального стресса. Положительной детерминантой социальной активности у молодых людей также является эмоциональный комфорт в социальной изоляции, а ее снижение детерминировано повышенной активностью, направленной на поиск дополнительного дохода для поддержания привычного уровня своего материального положения, улучшение семейных взаимоотношений и поддержание контактов с родственниками, на использование вынужденной самоизоляции для самообучения и повышения уровня своего образования.

Обсуждение результатов

В условиях вынужденных социальных ограничений российская молодежь становится более активной в социальной жизни. Повышение социальной активности у молодых людей связано с переносом своей активности в те сферы жизнедеятельности, в которых возможна самореализация с учетом необходимости соблюдать ограничивающие нормы и правила социальной изоляции. К таким формам активности можно отнести семейно-бытовую, гражданскую и образовательно-развивающую, а также активность в виртуальной среде. Интернет-сетевая и интернет-поисковая формы активности не только повышаются, но и сами выступают в качестве компенсаторной активности в условиях вынужденных социальных ограничений. С учетом особенностей ситуации вынуж-

денных ограничений полученные результаты дополняют выявленную другими исследователями тенденцию к повышению активности современной молодежи в виртуальном пространстве [14], которая, с одной стороны, не лишена своих недостатков (зависимость от онлайн-социальных сетей может быть результатом депрессии и беспокойства, влияющих на их повседневную жизнь, включая академические обязанности), а с другой — дает социальные преимущества [26], в частности, развитие цифровых навыков [24], повышение самооффективности и укрепление социального капитала за счет качества онлайн-взаимодействия [34]. Результаты нашего исследования о замещающей роли интернет-сетевой и семейно-бытовой активности в условиях пандемии перекликаются с выводами о том, что социальные сети, музыка, онлайн-игры, веб-сериалы, а также обращение за помощью к своим близким выступают механизмами выживания и преодоления стресса и тревоги, вызванных социальной изоляцией [28]. Однако, несмотря на повышение у молодежи значимости семейно-бытовой активности, была выявлена ее обусловленность фрустрационными реакциями на ситуацию вынужденных ограничений, что может быть объяснено вынужденным длительным нахождением членов семьи на одной территории, которое, несмотря на позитивные перспективы побыть вместе, существенно усиливает эмоциональное напряжение, негативно влияет на продолжительность и качество родственных отношений и может выступать предиктором их разрыва [7].

Усиление состояния фрустрации молодежи привело к росту гражданской активности, сопровождающейся мобилизацией личностных ресурсов и поиском возможностей для преодоления стресса путем направленности своих интересов в

социально ориентированные сферы жизнедеятельности, что объясняется определенной долей патриотизма, с которым студенты приняли необходимость домашней самоизоляции [4]. О повышении образовательно-развивающей активности молодежи, отмеченном в данном исследовании, говорят и другие исследователи, отмечая позитивный эффект дистанционного обучения [18]. Однако помимо очевидных плюсов, касающихся возможности не прерывать процесс образования, отмечается и ряд негативных аспектов. Повышенная ориентация учебной деятельности на самостоятельную подготовку, слабо развитая цифровая грамотность и способность к самообразованию [2], малоподвижность и отсутствие живого общения [9], «страх потери учебного года» при переходе на онлайн-формат обучения [27] привели, с одной стороны, к повышению тревожности [21; 25], к снижению учебной мотивации и возникновению у студентов чувства изолированности от университетской жизни [6], а с другой стороны, как показало наше исследование, — к компенсации факторов, ограничивающих данный вид активности другими ее формами путем перехода в виртуальное пространство или переноса образовательно-развивающих интересов в сферы жизни, не связанные непосредственно с учебой.

Стабилизаторами негативных проявлений, связанных с социальной изоляцией, могли бы выступить досуговая и социально-экономическая активность. Однако, как показывают полученные нами результаты, именно эти формы активности претерпевают статистически значимое снижение по сравнению с докарантинным периодом. Активный досуг, позволяющий молодежи поддерживать свое соматическое здоровье и реализовать стремление к саморазвитию, стал

полностью недоступен и был заменен досугом, не требующим дополнительных затрат, что привело к снижению физической активности, появлению вредных привычек, к потере интереса к расширению своего социального опыта [5]. Снижение социально-экономической активности, обусловленное уменьшением возможностей для повышения уровня своего материального благополучия, выявленное в данном исследовании, может быть объяснено издержками в бюджетной сфере в условиях пандемии, с которыми молодежь связывает снижение качества своей жизни [3].

Заключение

Рассмотренные в данном исследовании формы социальной активности молодежи качественно изменяются в период социальной изоляции, характеризуясь новыми социально ориентированными видами деятельности, позволяющими компенсировать затрудненную вынужденными ограничениями реализацию привычных для личности форм активности, а именно:

- диахроничность изменений социальной активности в разных сферах жизнедеятельности проявилась в повышении семейно-бытовой, гражданской, образовательно-развивающей, интернет-сетевой, интернет-поисковой форм активности, в снижении досуговой и социально-экономической активности и в отсутствии изменений относительно других форм (альтруистической, спортивно-оздоровительной, культурно-массовой, экологической, социально-политической, профессиональной, духовной, религиозной, субкультурной, протестной и радикально-протестной);

- изменилась иерархия форм активности по степени реализации: в обычной жизнедеятельности молодежь проявля-

ла наибольшую активность в досуговой и семейно-бытовой сфере, в период вынужденных социальных ограничений (самоизоляции) досуговая активность снизила свою актуальность, а на фоне повышения семейно-бытовой активности приобрели значимость интернет-поисковая, интернет-сетевая и образовательно-развивающая формы активности;

- компенсаторные проявления социальной активности молодежи в связи с новыми условиями жизнедеятельности выражены в досуговой, семейно-бытовой, интернет-сетевой, интернет-поисковой, социально-экономической и образовательно-развивающей формах активности. Выраженность досуговой, гражданской и социально-экономической активности в большей степени обусловлена фрустрацией на последствиях вынужденных социальных ограничений. Трансформация этих форм активности, а также образовательно-развивающей связана с мобилизацией личностных ресурсов, с проявлением компенсации в форме виртуальной активности, замещения или диссимуляции активности и с направленностью на все сферы жизнедеятельности. Семейно-бытовая активность молодежи максимально обусловлена эмоциональными реакциями на последствия вынужденных ограничений.

Результаты исследования могут быть использованы в практике психологического консультирования по проблемам личностного развития и психологической коррекции фрустрационных реакций, а также могут составить психологическую основу для разработки научно-методических рекомендаций для органов власти, управления образованием и молодежной политики по оптимизации активности молодежи в ситуациях, связанных с вынужденными ограничениями, и создания условий для

ее полноценной самореализации. Представляются перспективными дальнейшие исследования социальной активности молодежи в условиях вынужденных ограничений, направленные на изучение

ее личностных, социально-психологических и общественных эффектов в плане их детерминации возрастными психологическими характеристиками и условиями социализации.

Литература

1. Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 10–25. DOI:10.17759/sps.2021120102
2. Бочарова Ю.Ю., Дьячук А.А., Климацкая Л.Г., Кузина Д.В., Черкасова Ю.А. Возможности развития субъектности студентов при совладании с трудной ситуацией перехода на дистанционное обучение в период пандемии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2021. № 2(56). С. 109–122. DOI:10.25146/1995-0861-2021-56-2-277
3. Вардилян М.С., Николаева А.А. Исследование влияния пандемии на современный уровень качества жизни российского общества [Электронный ресурс] // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. / Под общ. ред. Ю.П. Аверина. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 35–36. URL: https://www.socio.msu.ru/documents/20200115_sbornik.pdf (дата обращения: 09.08.2021).
4. Галой Н.Ю., Цзюань Ф., Вэньсюань Л., Цяньцянь У., Огнев А.С. Кросскультурный анализ психического состояния людей в период пандемии коронавируса: Россия и Китай // Человеческий капитал. 2021. № 2(146). С. 106–116. DOI:10.25629/HC.2021.02.10
5. Каравай А.В. Досуговая активность российской молодежи: основные типы и факторы выбора // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1–2(130). С. 130–140.
6. Марьин М.И., Никифорова Е.А. Трансформация мотивов и ценностей студентов высших образовательных организаций в условиях пандемии (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 92–101. DOI:10.17759/jmfr.2021100109
7. Опекина Т.П., Шипова Н.С. Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 3. С. 121–128. DOI:10.34216/2073-1426-2020-26-3-121-128
8. Потапова Е.А., Земляной Д.А., Кондратьев Г.В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия студентов медицинских вузов в период дистанционного обучения во время эпидемии COVID-19 // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 3. С. 70–81. DOI:10.17759/pse.2021260304
9. Соколовская И.Э. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов в условиях цифровизации обучения в период пандемии COVID-19 и самоизоляции // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 46–54. DOI:10.26425/2658-347X-2020-2-46-54
10. Усова Н.В., Арендачук И.В., Кленова М.А. Диагностика характеристик активности личности в условиях вынужденных социальных ограничений [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 3. С. 1–16. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN321.pdf>
11. Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Арендачук И.В., Бочарова Е.Е., Усова Н.В., Кленова М.А., Шаров А.А., Заграничный А.И. Психология социальной активности молодежи [Электронный

- ресурс]. М.: Издательство «Перо», 2020. 200 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (дата обращения: 25.03.2021).
12. Шамионов Р.М. Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 176–195. DOI:10.17223/17267080/77/9
  13. Шамионов Р.М., Григорьева М.В. Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2
  14. Шаров А.А. Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 28. С. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103
  15. Яремчук С.В., Бакина А.В. Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 26–43. DOI:10.17759/sps.2021120103
  16. Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomaževič N., Umek L. Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective // Sustainability. 2020. Vol. 12, 8438. DOI:10.3390/su12208438
  17. Aucejo E.M., French J., Ugalde Araya M.P., Zafar B. The impact of COVID-19 on student experiences and expectations: Evidence from a survey // Journal of Public Economics. 2020. Vol. 191. DOI:10.1016/j.jpubeco.2020.104271
  18. Bao W. COVID-19 and online teaching in higher education: A case study of Peking University // Human Behavior and Emerging Technologies. 2020. Vol. 2. P. 113–115. DOI:10.1002/hbe2.191
  19. Bokhan T.G., Galazhinsky E.V., Leontiev D.A., Rasskazova E.I., Terekhina O.V., Ulyanich A.L., Shabalovskaya M.V., Bogomaz S.A., Vidyakina T.A. COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 18. № 2. P. 259–275. DOI:10.17323/1813-8918-2021-2-259-275
  20. Browning M., Larson L.R., Sharaievska I., Rigolon A., McAnirlin O., Mullenbach L., Cloutier S., Vu T.M., Thomsen J., Reigner N., Metcalf E.M., D'Antonio A., Helbich M., Bratman G.N., Alvarez H.O. Psychological impacts from COVID-19 among university students: Risk factors across seven states in the United States // PLOS ONE. 2021. Vol. 16(1). DOI:10.1371/journal.pone.0245327
  21. Cao W., Fang Z., Hou G. The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China // Psychiatry Research. 2020. Vol. 287. DOI:10.1016/j.psychres.2020.112934
  22. Cerbara L., Ciancimino G., Crescimbeni M., La Longa F., Parsi M.R., Tintori A., Palomba R. A nation-wide survey on emotional and psychological impacts of COVID-19 social distancing // European Review for Medical and Pharmacological Sciences. 2020. Vol. 24. № 12. P. 7155–7163. DOI:10.26355/eurrev_202006_21711
  23. Chaturvedi K., Vishwakarma D.K., Singh N. COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: A survey // Children and youth services review. 2021. Vol. 121, 105866. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105866
  24. Chew H.Q., Wei K.Ch., Vasoo Sh., Choong H., Sim K. Narrative synthesis of psychological and coping responses towards emerging infectious disease outbreaks in the general population: practical considerations for the COVID-19 pandemic // Singapore Medical Journal. 2020. Vol. 61(7). P. 350–356. DOI:10.11622/smedj.2020046
  25. Cook D.A. The failure of e-learning research to inform educational practice, and what we can do about it // Medical Teacher. 2009. Vol. 31. P. 158–162. DOI:10.1080/0142159080269139328
  26. Gómez-Galán J., Martínez-López J.Á., Lázaro-Pérez C., Sarasola Sánchez-Serrano J.L. Social networks consumption and addiction in college students during the COVID-19 pandemic: Educational approach to responsible use // Sustainability. 2020. Vol. 12(18), 7737. DOI:10.3390/su12187737

27. Hasan N., Bao Y. Impact of “e-Learning crack-up” perception on psychological distress among college students during COVID-19 pandemic: A mediating role of “fear of academic year loss” // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 118. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105355
28. Islam M.S., Sujon M.S.H., Tasnim R., Ferdous M.Z., Masud J.H.B., Kundu S., Mosaddek A.S.M., Choudhuri M.Sh.K., Kircaburun K., Griffiths M.D. Problematic internet use among young and adult population in Bangladesh: Correlates with lifestyle and online activities during the COVID-19 pandemic // Addictive behaviors reports. 2020. Vol. 12(2), 100311. DOI:10.1016/j.abrep.2020.100311
29. Lateef R., Alaggia R., Collin-Vézina D. A scoping review on psychosocial consequences of pandemics on parents and children: Planning for today and the future // Children and Youth Services Review. 2021. Vol. 125. No. 11, 106002. DOI:10.1016/j.childyouth.2021.106002
30. Lee J. Mental health effects of school closures during COVID-19 // Lancet Child Adolesc Health. 2020. Vol. 4(6). P. 421. DOI:10.1016/S2352-4642(20)30109-7
31. Oosterhoff B., Palmer C.A., Wilson J., Shook N. Adolescents’ Motivations to Engage in Social Distancing During the COVID-19 Pandemic: Associations With Mental and Social Health // Journal Adolescent Health. 2020. Vol. 67(2). P. 179–185. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.05.004
32. Paterson D.C., Ramage K., Moore S.A., Riazi N., Tremblay M.S., Faulkner G. Exploring the impact of COVID-19 on the movement behaviors of children and youth: A scoping review of evidence after the first year // Journal of Sport and Health Science. 2021. Vol. 10. (Suppl. 3). DOI:10.1016/j.jshs.2021.07.001
33. Sahu P. Closure of universities due to coronavirus disease 2019 (COVID-19): impact on education and mental health of students and academic staff // Cureus. 2020. Vol. 12(4). DOI:10.7759/cureus.7541
34. Zheng F., Khan N.A., Hussain S. The COVID 19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality // Children and youth Services Review. 2020. Vol. 119. 105694. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105694

References

1. Baranova V.A., Dubovskaya E.M., Savina O.O. Opyt zhiznedeyatel'nosti i resursy preodoleniya trudnosti sotsial'noi izolyatsii v pervyi period pandemii COVID-19 u studentov [Life Experience and Resources for Overcoming the Difficulties of Social Isolation in the First Period of the COVID-19 Pandemic among Students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 10–25. DOI:10.17759/sps.2021120102 (In Russ.).
2. Bocharova Yu.Yu., Dyachuk A.A., Klimatskaya L.G., Kuzina D.V., Cherkasova Yu.A. Vozmozhnosti razvitiya sub"ektnosti studentov pri sovladanii s trudnoi situatsiei perekhoda na distantsionnoe obuchenie v period pandemii [Possibilities to Develop Personal Agency in Students Dealing with a Difficult Situation of Shifting Towards Distance Learning During the Pandemic]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = The bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev*, 2021, no. 2(56), pp. 109–122. DOI:10.25146/1995-0861-2021-56-2-277 (In Russ.).
3. Vardikyan M.S., Nikolaeva A.A. Issledovanie vliyaniya pandemii na sovremennyi uroven' kachestva zhizni rossijskogo obshchestva [The study of the impact of the pandemic on the current level of the quality of life of the Russian society]. In Averin Yu.P. (ed.). *Vliyanie kachestva zhizni na formirovanie tsennostnoi struktury naseleniya Rossii [The influence of the quality of life on the formation of the value structure of the Russian population]*. Moscow: MAKS Press, 2020, pp. 35–36. Available at: https://www.socio.msu.ru/documents/20200115_sbormik.pdf (Accessed 09.08.2021). (In Russ.).
4. Galoy N.Yu., Juan F., Wenxuan L., Qianqian Wu, Ognev A.S. Krosskul'turnyi analiz psikhicheskogo sostoyaniya lyudei v period pandemii koronavirusa: Rossiya i Kitai [Cross-Cultural Analysis of the Mental State of People During the Pandemic Coronavirus: Russia and

- China]. *Chelovecheskii kapital = Human capital*, 2021, no. 2(146), pp. 106–116. DOI:10.25629/HC.2021.02.10 (In Russ.).
5. Karavay A.V. Dosugovaya aktivnost' rossiiskoi molodezhi: osnovnye tipy i faktory vybora [Leisure Activity of Russian Youth: the Main Types and Factors of Choice]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, 2020, no. 1–2(130), pp. 130–140. (In Russ.).
  6. Maryin M.I., Nikiforova E.A. Transformatsiya motivov i tsennosti studentov vysshikh obrazovatel'nykh organizatsii v usloviyakh pandemii (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [Transformation of Higher Education Students' Motives and Values in a Pandemic (Based on Materials from Foreign Studies)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 92–101. DOI:10.17759/jmfp.2021100109 (In Russ.).
  7. Opekina T.P., Shipova N.S. Sem'ya v period samoizolyatsii: stressy, riski i vozmozhnosti sovladaniya [Family in Lockdown: Stress, Risks and Coping Opportunities]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2020. Vol. 26, no. 3, pp. 121–128. DOI:10.34216/2073-1426-2020-26-3-121-128 (In Russ.).
  8. Potapova E.A., Zemlyanoy D.A., Kondratyev G.V. Osobennosti zhiznedeyatel'nosti i samochuvstviya studentov meditsinskikh vuzov v period distantsionnogo obucheniya vo vremya epidemii COVID-19 [Features of Life and Well-Being in Medical Students During Distance Learning in the Course of the COVID-19 Epidemic]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 3, pp. 70–81. DOI:10.17759/pse.2021260304 (In Russ.).
  9. Sokolovskaya I.E. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory udovletvorennosti studentov v usloviyakh tsifrovizatsii obucheniya v period pandemii COVID-19 i samoizolyatsii [Socio-Psychological Factors of Students' Satisfaction in the Context of Digitalization of Education During the COVID-19 Pandemic and Self-Isolation]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital sociology*, 2020. Vol. 3, no. 2, pp. 46–54. DOI:10.26425/2658-347X-2020-2-46-54 (In Russ.).
  10. Usova N.V., Arendachuk I.V., Klenova M.A. Diagnostika kharakteristik aktivnosti lichnosti v usloviyakh vynuzhdennykh sotsial'nykh ogranichenii [Studying personality activity in conditions of forced self-isolation]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2021. Vol. 9, no. 3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN321.pdf> (Accessed 28.07.2021). (In Russ.).
  11. Shamionov R.M., Grigorieva M.V., Arendachuk I.V., Bocharova E.E., Usova N.V., Klenova M.A., Sharov A.A., Zagranichny A.I. Psikhologiya sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Psychology of social activity of youth]. In Shamionov R.M. (ed.). Moscow: Pero, 2020. 200 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (Accessed 25.03.2021). (In Russ.).
  12. Shamionov R.M. Sootnoshenie sotsial'noi aktivnosti i udovletvorennosti bazovykh psikhologicheskikh potrebnosti, sub'ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'noi frustrirovannosti molodezhi [The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-Being and Social Frustration of Young People]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2020, no. 77, pp. 176–195. DOI:10.17223/17267080/77/9 (In Russ.).
  13. Shamionov R.M., Grigor'eva M.V. Metodika diagnostiki komponentov sotsial'no-orientirovannoi aktivnosti [Technique for Diagnostic Assessment of Socially-Oriented Activity Components]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2019, no. 74, pp. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2 (In Russ.).
  14. Sharov A.A. Deviantnaya aktivnost' molodezhi: osobennosti i mekhanizm perenosa iz real'noi sredy v virtual'nuyu [Deviant Behavior of Young People: Some Aspects and Mechanism of Transfer from Real to Virtual Settings]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019. Vol. 28, pp. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103 (In Russ.).

15. Yaremtchuk S.V., Bakina A.V. Sub"ektivnoe blagopoluchie molodezhi i ego vzaimosvyaz' s psikhologicheskoi distantsiei do ob"ektov sotsial'no-psikhologicheskogo prostranstva lichnosti v usloviyakh pandemii COVID-19 [Subjective Well-Being in Early Adulthood and Psychological Distance to the Objects of the Socio-Psychological Space during COVID-19 Pandemic]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 26–43. DOI:10.17759/sps.2021120103 (In Russ.).
16. Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomažević N., Umek L. Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective. *Sustainability*, 2020. Vol. 12, 8438. DOI:10.3390/su12208438
17. Aucejo E.M., French J., Ugalde Araya M.P., Zafar B. The impact of COVID-19 on student experiences and expectations: Evidence from a survey. *Journal of Public Economics*, 2020. Vol. 191. DOI:10.1016/j.jpube.2020.104271
18. Bao W. COVID-19 and online teaching in higher education: A case study of Peking University. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2020. Vol. 2, pp. 113–115. DOI:10.1002/hbe2.191
19. Bokhan T.G., Galazhinsky E.V., Leontiev D.A., Rasskazova E.I., Terekhina O.V., Ulyanich A.L., Shabalovskaya M.V., Bogomaz S.A., Vidyakina T.A. COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 259–275. DOI:10.17323/1813-8918-2021-2-259-275
20. Browning M., Larson L.R., Sharaievska I., Rigolon A., McAnirlin O., Mullenbach L., Cloutier S., Vu T.M., Thomsen J., Reigner N., Metcalf E.M., D'Antonio A., Helbich M., Bratman G.N., Alvarez H.O. Psychological impacts from COVID-19 among university students: Risk factors across seven states in the United States. *PLOS ONE*, 2021. Vol. 16(1). DOI:10.1371/journal.pone.0245327
21. Cao W., Fang Z., Hou G. The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry Research*, 2020. Vol. 287. DOI:10.1016/j.psychres.2020.112934
22. Cerbara L., Ciancimino G., Crescimbeni M., La Longa F., Parsi M.R., Tintori A., Palomba R. A nation-wide survey on emotional and psychological impacts of COVID-19 social distancing. *European Review for Medical and Pharmacological Sciences*, 2020. Vol. 24, no. 12, pp. 7155–7163. DOI:10.26355/eurrev_202006_21711
23. Chaturvedi K., Vishwakarma D.K., Singh N. COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: A survey. *Children and youth services review*, 2021. Vol. 121, 105866. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105866
24. Chew H.Q., Wei K.Ch., Vasoo Sh., Choon H., Sim K. Narrative synthesis of psychological and coping responses towards emerging infectious disease outbreaks in the general population: practical considerations for the COVID-19 pandemic. *Singapore Medical Journal*, 2020. Vol. 61(7), pp. 350–356. DOI:10.11622/smedj.2020046
25. Cook D.A. The failure of e-learning research to inform educational practice, and what we can do about it. *Medical Teacher*, 2009. Vol. 31, pp. 158–162. DOI:10.1080/01421590802691393
26. Gómez-Galán J., Martínez-López J.Á., Lázaro-Pérez C., Sarasola Sánchez-Serrano J.L. Social networks consumption and addiction in college students during the COVID-19 pandemic: Educational approach to responsible use. *Sustainability*, 2020. Vol. 12, no. 18, 7737. DOI:10.3390/su12187737
27. Hasan N., Bao Y. Impact of "e-Learning crack-up" perception on psychological distress among college students during COVID-19 pandemic: A mediating role of "fear of academic year loss". *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 118. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105355
28. Islam M.S., Sujon M.S.H., Tasnim R., Ferdous M.Z., Masud J.H.B., Kundu S., Mosaddek A.S.M., Choudhuri M.Sh.K., Kircaburun K., Griffiths M.D. Problematic internet use among young and adult population in Bangladesh: Correlates with lifestyle and online activities during the COVID-19 pandemic. *Addictive behaviors reports*, 2020. Vol. 12, no. 2, 100311. DOI:10.1016/j.abrep.2020.100311
29. Lateef R., Alaggia R., Collin-Vézina D. A scoping review on psychosocial consequences of pandemics on parents and children: Planning for today and the future. *Children and Youth Services Review*, 2021. Vol. 125, no. 11, 106002. DOI:10.1016/j.childyouth.2021.106002

30. Lee J. Mental health effects of school closures during COVID-19. *Lancet Child Adolesc Health*, 2020. Vol. 4(6), pp. 421. DOI:10.1016/S2352-4642(20)30109-7
31. Oosterhoff B., Palmer C.A., Wilson J., Shook N. Adolescents' Motivations to Engage in Social Distancing During the COVID-19 Pandemic: Associations With Mental and Social Health. *Journal Adolescent Health*, 2020. Vol. 67(2), pp. 179–185. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.05.004
32. Paterson D.C., Ramage K., Moore S.A., Riazzi N., Tremblay M.S., Faulkner G. Exploring the impact of COVID-19 on the movement behaviors of children and youth: A scoping review of evidence after the first year. *Journal of Sport and Health Science*, 2021. Vol. 10, suppl. 3. DOI:10.1016/j.jshs.2021.07.001
33. Sahu P. Closure of universities due to coronavirus disease 2019 (COVID-19): impact on education and mental health of students and academic staff. *Cureus*, 2020. Vol. 12(4). DOI:10.7759/cureus.7541
34. Zheng F., Khan N.A., Hussain S. The COVID 19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality. *Children and youth Services Review*, 2020. Vol. 119, 105694. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105694

Информация об авторах

Арендачук Ирина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, e-mail: arend-irina@yandex.ru

Усова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, e-mail: usova_natalia@mail.ru

Кленова Милена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, e-mail: milena_d@bk.ru

Information about the authors

Irina V. Arendachuk, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, e-mail: arend-irina@yandex.ru

Natalia V. Usova, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, e-mail: usova_natalia@mail.ru

Milena A. Klenova, PhD in Psychology, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, e-mail: milena_d@bk.ru

Получена 11.08.2021

Принята в печать 12.12.2022

Received 11.08.2021

Accepted 12.12.2022